

Э. Н. Берендтс

**Лекции по
административному праву
Великого Княжества
Финляндского**

**Том 2. Главные органы
управления в Финляндии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
Э1

Э1 **Э. Н. Берендтс**
Лекции по административному праву Великого Княжества Финляндского: Том
2. Главные органы управления в Финляндии / Э. Н. Берендтс – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 281 с.

ISBN 978-5-518-05901-6

ISBN 978-5-518-05901-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оглавленіе второго тома.

Введеніе ко второму тому.	стр. 1— 25
Приложеніе	» 26— 30

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ	» 31— 47
---------------------------------	----------

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Императорскій Финляндскій Сенатъ . . .	» 48—143
Приложенія	» 144—172

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Генераль-Губернаторъ	» 173—204
--------------------------------	-----------

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Главные органы управленія и суда	» 205—275
--	-----------

Введеніе къ II тому.

Присоединеніе Финляндіи въ 1809 г.

Извѣстно, что относительно условій, при которыхъ совершилось присоединеніе къ Россіи шведской части Финляндіи, возвращенной Россіей Швеціи въ 1743 г., существуютъ весьма различные взгляды въ литературѣ и въ средѣ практическихъ дѣятелей политики*). Одна группа изслѣдователей смотритъ на факты, событія, дѣйствія и волевыраженія эпохи присоединенія (1809 г.) съ точки зрѣнія современныхъ своихъ *pia desideria*, являющихся въ свою очередь результатомъ политической мысли ряда десятилѣтій, въ теченіе которыхъ взгляды на государство, на его природу, на суверенитетъ, характеръ власти, задачи и цѣли государственной политики, успѣли пройти рядъ различныхъ ступеней развитія. Другая группа ученыхъ и публицистовъ оцѣниваетъ и толкуетъ, объясняетъ, оправдываетъ и порицаетъ тѣ же самые факты, дѣйствія, слова и волевыраженія, также съ точки зрѣнія своихъ субъективныхъ политическихъ интересовъ, стремленій и идеаловъ. Обѣ группы смотрятъ на вопросъ съ точки зрѣнія эпохи, отличительной чертой которой является съ одной стороны очищеніе понятія государства отъ всѣхъ примѣсей патримоніальныхъ взглядовъ, общій характеръ которой опредѣляется безостановочнымъ стремленіемъ къ сплоченію политическихъ тѣлъ въ крупныя тѣла и къ проникновенію всѣхъ частей государства духомъ абсолютнаго политическаго единства; съ другой же стороны: развитіе и укорененіе идей націонализма, измѣряющихъ политиче-

*) Мы коснулись этого вопроса уже въ I главѣ общаго историческаго введенія. (Томъ I).

скія событія не объективнымъ мѣриломъ справедливости, а національными симпатіями и антипатіями *).

Такое перенесеніе понятій настоящего въ оцѣнку дѣяній и событій прошлаго есть крупная логическая и историческая ошибка. Историкъ права долженъ ея избѣгать.

Къ оцѣнкѣ минувшихъ эпохъ, ихъ дѣятелей и ихъ дѣятельности, мы должны приложить мѣрку конгеніальныхъ имъ понятій, чувствъ и воззрѣній, насколько конечно то дозволяется связанностію нашей мысли съ окружающимъ ее узкимъ пространствомъ времени.

Неизмѣнности взглядовъ мы не можемъ требовать отъ различныхъ эпохъ и поколѣній, наполняющихъ ихъ своей жизнію. Исторія не есть музей окаменѣлостей. Она есть непрерывный потокъ, который разрушаетъ многое, что намъ дорого, и приноситъ также многое, что будетъ дорого нашимъ потомкамъ, съ чѣмъ разставаться имъ будетъ тяжело и больно. И пріобрѣтенныя права не стоятъ внѣ этого потока. „Всѣ великія пріобрѣтенія, которыми отмѣчена исторія права, какъ уничтоженіе рабства, крѣпостного состоянія, свобода поземельной собственности, промысловъ, совѣсти и т. д.— всѣ они достались только путемъ упорной, цѣлыя столѣтія продолжавшейся, борьбы; нерѣдко цѣлые потоки крови и всегда разрушенное право показываютъ тотъ

*) Этотъ націоналистическій субъективизмъ даетъ себя чувствовать и въ научной литературѣ (Трейчке въ Германіи. Данилевскій, Ординъ и др. въ Россіи), періодическая же пресса является сферою полного, необузданнаго его господства. Отношеніе прессы къ „Финляндскому вопросу“ есть краснорѣчивый примѣръ утраты способности оцѣнивать безпристрастно современные политическія событія. Шведская пресса жестоко осуждаетъ политику русскаго правительства въ отношеніи Финляндіи, называя ее политикой руссификаціи; въ то же время она защищаетъ и пропагандируетъ крутыя мѣры свенизациі горсти финновъ, живущихъ на сѣверѣ Швеціи. Германская пресса, осуждая Россію, защищаетъ германизациі Познани. сѣвернаго Шлезвига, патетически разсуждаетъ о нарушенныхъ общаніяхъ, не спрашивая себя, существовала бы Германская имперія, если бы всѣ общанія и договоры начала XIX ст. были въ точности исполнены? Негодуютъ даже органы печати Англіи и Венгріи, какъ будто не существуетъ ни Ирландскаго вопроса, ни мартиролога саксонскихъ колонистовъ въ Трансильваніи и славянъ въ Венгріи! Наша же пресса рѣзко осуждаетъ финляндцевъ за ихъ сепаратизмъ и столь же рѣзко нападаетъ на австрійское правительство за его борьбу съ сепаратизмомъ Русинъ въ Галиціи! Если бы это примѣненіе различныхъ мѣрилъ къ однороднымъ явленіямъ оправдывалось ссылками на политическую необходимость, то оно было бы понятно, но ссылками на справедливость и гуманность его защищать невозможно.

путь, по которому шло новое время. Ибо право есть „Сатурнъ, который пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей“, право только тѣмъ и обновляется, что оно само уничтожаетъ свое прошедшее. Конкретное право, которое въ силу своего возникновенія предъ-являетъ претензіи на вѣчное безграничное господство, а слѣдовательно на вѣчное существованіе, — подобно ребенку, поднимающему руку на свою мать; оно смѣется надъ идеей права, не смотря на то, что на ней основывается; ибо идея права есть вѣчное возникновеніе, возникшее же должно уступить мѣсто новому, ибо все что возникаетъ „достойно уничтоженія“.

Такимъ образомъ открываетъ намъ право въ своемъ историческомъ движеніи картину исканій, усилій, борьбы. короче говоря, картину неустаннаго напряженія. Человѣческому духу, который безсознательно работаетъ надъ образованіемъ языка, не представляется никакихъ серьезныхъ препятствій; искусство также не имѣетъ другого противника, кромѣ собственнаго прошедшаго, т. е. господствующаго вкуса. Но право, какъ понятіе цѣли, поставленное среди хаотическаго движенія человѣческихъ цѣлей, стремленій, интересовъ, должно непрерывно оцѣпью отыскивать вѣрную дорогу и, найдя ее, еще преодолѣть всѣ препятствія, которыя ему на ней встрѣчаются“ (Іерингъ).

Для оцѣнки правовыхъ условій присоединенія Финляндіи мы должны встать на точку зрѣнія цѣлей, къ коимъ стремилась государственная власть начала XIX столѣтія, а не на точку зрѣнія задачъ, исполненіемъ коихъ занята государственная власть конца XIX и начала XX вѣковъ.

Принято говорить, что французская революція и Наполеонъ I разрушили апсiен régime, государственный и общественный порядокъ, т. н. добраго стараго времени.

Я не отрицаю, что политическія границы измѣнились, что исчезли многія политическія тѣла, которыхъ безсиліе скрывалось искусной дипломатіей и умѣніемъ пользоваться различными политическими связями. Но патримоніальная, вотчинная, точка зрѣнія на государство, взглядъ на него какъ на вотчину, могущую состоять изъ многихъ разнородныхъ и политически разъединенныхъ частей, — связанныхъ лишь единствомъ личности помѣщика—государя,—эта точка зрѣнія не исчезла сразу. На требованія и потребности національностей, въ качествѣ духовно-нравственныхъ единицъ, вниманія не обращали. Наполеонъ перекраивалъ государства

по своему усмотрѣнію, усаживая на престолахъ своихъ родственниковъ и награждая кусочками земель и отрывками націй вѣрныхъ союзниковъ. Всѣ трактаты писались, какъ и ранѣе, на вѣчныя времена, всѣ пожалованія давались и гарантировались навѣки. Фикція вѣчности и неизблемости господствовала какъ и ранѣе. Воля дарителя связывала волю поколѣній, еще не родившихся, предопредѣляя судьбу государствъ навѣки, похищая у Бога власть связывать и разрѣшать. Въ центрѣ Европы, въ Германіи, исчезло около 300 государствъ, и они были замѣнены новыми, выкроенными по произволу. Пресбургскій миръ унижилъ Австрію. Тильзитскій миръ искалѣчилъ Пруссію. Намъ извѣстно примиреніе Наполеона I и Александра I. Они подѣлили между собой Европу. Александръ ввѣрилъ судьбу запада Наполеону; Наполеонъ разрѣшилъ Александру довершить дѣло Екатерины II на югѣ, дѣло Петра и Елизаветы на сѣверѣ.

Здѣсь на сѣверѣ естественныя политическія потребности Россіи оказались вліятельнѣе связей родственныхъ. На престолѣ Швеціи сидѣлъ близкій родственникъ Александра I, Густавъ IV Адольфъ (нѣкогда женихъ В. Кн. Александры Павловны), женатый на сестрѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Но отношенія между монархами не были изъ лучшихъ. Тонкій политическій умъ Александра I никакъ не уживался съ близорукимъ тупымъ упрямствомъ зятя. Уже при Павлѣ I были даны поводы къ столкновеніямъ между Швеціей и Россіей. когда послѣ печальнаго исхода славной кампаніи 1799 г. Императоръ Павелъ I склонялся къ миру съ Франціей и началъ съ симпатіей относиться къ консулу Наполеону Бонапарту. Александръ I снова сблизился съ врагами Франціи и заключилъ 17 Іюня 1801 г. конвенцію съ Англіей, которая во многихъ отношеніяхъ нарушала интересы Швеціи. Гнѣвъ Густава IV въ особенности обрушился на русскаго министра графа Панина, такъ что въ 1802 г. король запретилъ Панину проѣздъ черезъ шведскія владѣнія. Въ царствованіе Александра I эти недоразумѣнія и мелкія пререканія постоянно возобновлялись. Поводы были самые мелочныя. Въ 1802 г. дѣло дошло почти до войны. И вотъ почему. Лѣтомъ 1802 г. Густавъ IV посѣтилъ Финляндію и доѣхалъ до самой границы. У Лилла Аборфорса, на рѣкѣ Кюммене, находился мостъ, окрашенный въ русскіе цвѣта; но въ виду того, что рѣка была границей между Швеціей и Россіей, король объявилъ мостъ общей собственностію и Швеціи и Россіи и приказалъ половину моста выкрасить въ шведскіе цвѣта,

(т. е. синій съ желтымъ). Русское правительство, искони содержавшее мостъ на свой счетъ, приказало вновь перекрасить мостъ. По этому поводу завелась весьма оживленная переписка. Ни та, ни другая сторона не желала уступить. Императоръ Александръ I приказалъ стянуть корпусъ къ границамъ Швеции, а король Густавъ IV объявилъ, что онъ будетъ защищать права Швеции на окрашенный имъ мостъ съ оружіемъ въ рукахъ. Лишь послѣ продолжительныхъ переговоровъ Густавъ уступилъ. Натянутость отношений между Александромъ I и Густавомъ усугублялась еще тѣмъ, что Густавъ считалъ зятя якобинцемъ, ставя ему въ упрекъ различныя либеральныя начинанія первыхъ лѣтъ его царствованія. Дѣло дошло до того, что въ 1802—1803 г. Россія отозвала изъ Стокгольма посланника, а шведскій посланникъ оставилъ Петербургъ. Къ концу 1803 г. снова данъ былъ поводъ къ неудовольствіямъ. Король Густавъ далъ своему новорожденному сыну Карлу Густаву титулъ В. Князя Финляндскаго. (Этимъ титуломъ шведскіе короли не пользовались болѣе съ 1718 г., со времени смерти Карла XII). Русское правительство было этимъ крайне недовольно, ибо этотъ титулъ не могъ болѣе даваться шведскимъ королемъ, вслѣдствіе перехода болѣе чѣмъ $\frac{1}{3}$ Финляндіи въ русскія руки на основаніи мирныхъ трактатовъ 1721 и 1743 г. Крутой, упрямый нравъ Густава, его странная непослѣдовательная политика, проникнутая какимъ-то религіознымъ мистицизмомъ и отжившими вѣкъ рыцарскими средневѣковыми понятіями, привели въ концѣ концовъ къ столкновенію съ Россіей, послѣ непродолжительнаго состоянія съ нею въ союзѣ (во время войны съ Франціей съ 1805—1807 г.). Густавъ своими странными безтактными выходками раздражилъ Наполеона I настолько, что тотъ съ полной готовностію обѣщалъ Александру I свою поддержку на случай войны съ Швеціей для завоеванія Финляндіи, тѣмъ болѣе, что Швеція вступила въ тѣсный союзъ съ Англіей и стала въ сущности ея наемницей. Къ войнѣ съ Швеціей, для отторженія отъ нея Финляндіи, склоняли Александра I и финляндскіе эмигранты, Спренгтпортенъ, Егергорнъ, Кликъ, инициаторы и вдохновители Аньяльскаго заговора 1788 г. Относительно условій присоединенія Финляндіи взгляды расходились. Цѣли, къ которымъ стремились Александръ I и его русскіе совѣтники съ одной стороны, финляндскіе эмигранты съ другой, — не были однѣ и тѣ же. Для русскихъ политиковъ главное было — обезпечить флангъ, утвердить стратегическое положеніе Россіи на сѣверѣ, — для финляндскихъ эмигрантовъ — осуществить мечту

о полунезависимомъ финскомъ государствѣ подъ протекторатомъ Россіи. Умы въ Финляндіи были подготовлены къ перемѣнѣ въ политическомъ положеніи края; свѣжія въ памяти народа событія XVIII ст., крайнее неудовольствіе правленіемъ Густава IV, столь рѣзко отличавшагося отъ плѣнявшаго всѣхъ Александра I, въ ту пору вдохновеннаго широкими планами реформъ всѣхъ сторонъ русскаго государственнаго строя, все это являлось выгодными шансами для борьбы съ Швеціей. Сохраненіе за финляндцами правъ и привилегій, коими они пользовались въ составѣ шведскаго государства, казалось вполне возможнымъ и не невыгоднымъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Понятія объ единообразіи и единствѣ государственной власти въ то время вовсе не существовало. Эта идея созрѣвала лишь въ немногихъ головахъ ученыхъ мыслителей. Патримоніальное воззрѣніе на государство, какъ на конгломератъ различныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и верховныхъ правъ, господствовало вполне. На механическое единство государства, отрицающее историческое своеобразие составныхъ его частей, смотрѣли какъ на идею якобинскую. Балтійскія провинціи на основаніи Ништадтскаго мира 1721 г., подтвержденнаго въ 1743 г., и на основаніи частныхъ капитуляцій Риги, Ревеля. Дерпта, Пернова, сохранили свои привилегіи. И въ Эстляндіи, и въ Лифляндіи, существовали ландтаги, сословное представительство, своеобразный порядокъ управленія, полуземскій, полусословный, нѣмецкій языкъ былъ языкомъ администраціи, господствовалъ въ школахъ, евангелическо-лютеранская церковь была признана церковью края (Landes Kirche) и т. д.

Въ 1795 г. сословія герцогства Курляндскаго, бывшаго въ вассальномъ отношеніи къ Польшѣ, отказались отъ ленной зависимости. и, послѣ отказа отъ престола герцога Петра Бирона, просили о присоединеніи къ Россіи. Манифестомъ отъ 18 марта 1795 г. Императрица Екатерина II объявила о присоединеніи Курляндіи и о сохраненіи за Курляндіей религіи, правъ и привилегій сословій. Она приняла титулъ Герцогини Курляндской. И не только Россія представляла собой въ то время не единое простое государство, а совокупность различныхъ частей, болѣе или менѣе своеобразно организованныхъ. Почти вся Европа, за исключеніемъ Франціи и Англіи, состояла изъ такихъ политическихъ конгломератовъ, коихъ политическое единство было лишь внѣшнимъ. Другъ и союзникъ Александра I, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III царствовалъ надъ государствомъ,

состоявшимъ изъ большого количества герцогствъ, маркграфствъ графствъ и т. д. Въ прусскихъ эдиктахъ постоянно встрѣчаются выраженія: *Meine Staaten*, въ Пруссіи существовали провинціальныя министерства, каждая часть Пруссіи имѣла свое особое сословное представительство. Австрія не имѣла и тѣни единства (Богемія, Венгрія, Тироль Трансильванія и т. д. были скорѣе частями федераціи, нежели провинціями единого государства).

Наконецъ, сама Швеція состояла изъ нѣсколькихъ частей. Титулъ шведскаго короля былъ слѣдующій: „Мы, имя рекъ Божіей милостію, король Шведовъ, Готовъ и Вендовъ и т. д., наслѣдникъ Даніи и Норвегіи, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій и прочая“. Въ этомъ обыкновенномъ титулѣ Финляндія не упоминалась. Въ отличіе отъ другихъ заморскихъ владѣній Швеціи только Финляндія не была самостоятельной частію Шведскаго государства. Науманъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Государственное право Швеціи“ (I, 364) говоритъ: „то, что осталось отъ Финляндіи послѣ уступокъ 1721 и 1743 г., разсматривалось какъ инкорпорированная провинція (*införlifved provins*), подчиненная основнымъ и общимъ законамъ Швеціи (*undergifven Sveriges grundlagar och allmänn lag*), и *поэтому* имѣвшая право представительства на шведскихъ сеймахъ“. Финляндскіе историки и юристы утверждаютъ, что Финляндія была равноправной съ коренной Швеціей, особой частію шведскаго государства, что финляндцы вмѣстѣ съ шведами господствовали надъ остальными завоеванными землями, подчиненными скипетру шведскихъ королей. Фактически положеніе вещей было совсѣмъ иначе. Возьмемъ, напр., Померанію. Она не была инкорпорирована, не была провинціей, а имѣла слѣдующее самостоятельное устройство. Померанія управлялась правительственной коллегіей, состоявшей изъ генераль-губернатора и 4 членовъ; она имѣла свое особое сословное представительство, состоявшее изъ 3 палатъ (духовенства, рыцарства, городского сословія). Вслѣдствіе ходатайства этихъ сословій Карлъ XI 31 января 1663 г. издалъ особую форму правленія. Въ ней сказано: что евангелическо-лютеранская вѣра аугсбургскаго исповѣданія должна быть сохраняема въ качествѣ религіи края; что король безъ согласія земскихъ чиновъ Помераніи не будетъ вести войны и не будетъ заключать договоровъ, касающихся Помераніи, что герцогскіе реверсалы, касающіеся *status publicus*, постановленія о церкви, гофгерихтахъ, судахъ и полиціи и постановленія сейма не будутъ измѣнены безъ согласія земскихъ чиновъ. Король обѣщаль со-

храненіе привилегій сословій „насколько они не приносятъ ущерба верховнымъ правамъ короля“. Было объявлено, что по общему правилу лишь коренные померанцы будутъ назначаемы на мѣстные должности и т. д. Можно-ли, имѣя въ виду эту форму правленія 1663 г., противопоставлять Финляндію въ качествѣ вышшаго члена общенія—Помераніи, въ качествѣ подчиненнаго? *). На ступень провинціи Померанія спустилась лишь въ 1806 г., когда 26 іюня 1806 г., издана была королевская грамота объ упраздненіи въ Помераніи формы правленія 1663 г. и о введеніи въ ней шведской Формы Правленія 1772 года, Акта Соединенія и Безопасности 1789 г., общаго уложенія 1734 г. и церковнаго уложенія 1686 года. Померанія сохранила только свой особый провинціальный ландтагъ (сеймъ). Что въ составѣ шведской арміи существовала въ качествѣ т. ск. отдѣльнаго корпуса финская армія, это еще не возводитъ Финляндію на ступень отдѣльнаго въ политическомъ отношеніи цѣлаго. Существовала же и въ Россіи отдѣльная въ административномъ отношеніи кавказская армія, однако Кавказъ всегда признавался инкорпорированной частью русскаго государства. И казацкія войска (Донское, Астраханское, Уральское и т. д.) имѣютъ свою своеобразную организацію, представляютъ собою какъ бы особенныя части русской арміи, однако никто во имя сего обстоятельства не признаетъ казаковъ за особую націю, а ихъ области за федеративныя части русскаго государственнаго строя. Финляндія была лишь совокупностію нѣсколькихъ шведскихъ провинцій, населеніе коихъ пользовалось политическимъ правомъ потому, что дворяне въ Финляндіи признавались шведскими дворянами, духовенство—шведскимъ духовенствомъ, граждане—шведскими гражданами, крестьяне—шведскими крестьянами. Присвоить и финнамъ особое національное и политическое бытіе, такова была завѣтная мечта финляндскихъ патріотовъ и русское правительство уже въ теченіе полустолѣтія свыклось съ мыслию о приобрѣтеніи Финляндіи на особыхъ условіяхъ.

О непосредственныхъ причинахъ къ войнѣ 1808—1809 г., о дипломатической перепискѣ 1807—1808 гг., о нотѣ къ шведскому

*) Въ средѣ финляндскихъ публицистовъ находятся нѣкоторые неисправимые. Такъ, напримѣръ, бывшій Сенаторъ Л. Мехелинъ, въ своей недавно вышедшей брошюрѣ „Къ вопросу объ автономіи Финляндіи и ея основныхъ законахъ“ повторяетъ только что указанную басню. Маститый публицистъ доказалъ, что исторія Помераніи съ 1648—1807 г. ему совершенно неизвѣстна.

двору, о требованіи содѣйствія къ исключенію Англіи изъ Балтійскаго моря, объ уклончивомъ отвѣтѣ Густава IV, о возвращеніи ордена Св. Андрея, о предложеніи Наполеона раздѣлить Швецію между Россіей и Даніей, о томъ какъ Швеція обратилась къ Англіи за помощію, о вооруженіи Россіи и о вторженіи русскихъ безъ формальнаго объявленія войны, о ходѣ военныхъ событій, о четырехъ періодахъ войны, 1) наступательныхъ операціяхъ русскихъ войскъ и отступленіи шведской арміи до Сикаіюкки, 2) о сраженіи при Сикаіюкки, объ отступленіи русскихъ на югъ, 3) о новомъ наступленіи русскихъ послѣ назначенія Каменскаго, о сраженіяхъ при Карстулѣ и Оравайсѣ, о конвенціи при Олкіюкки 19 ноября 1808 г., 4) о походѣ въ Швецію и о заключеніи Фридрихсгамскаго мира 5—17 сентября 1809 г. слушатели могутъ прочесть въ сочиненіяхъ Злобина, Ордина, Михайловскаго - Данилевскаго, Ирѣе-Коскинена, Шюбергсона и др. Съ самаго начала войны съ Швеціей русское правительство рѣшило не выпускать болѣе изъ рукъ Финляндіи, т. е., не повторять ошибки 1743 г. Но при дворѣ Императора Александра I не было единогласія относительно условій присоединенія Финляндіи. Тамъ боролись, какъ сказано выше, два мнѣнія. Главнымъ и самымъ энергичнымъ представителемъ одного мнѣнія былъ финляндскій эмигрантъ, генераль Спренгтпортенъ. По мнѣнію Спренгтпортена, отторгнутымъ отъ Швеціи финляндскимъ областямъ слѣдовало предоставить самостоятельное политическое существованіе подъ скипетромъ русскаго Императора, съ сохраненіемъ прежняго образа правленія, коимъ пользовались и въ коемъ участвовали финляндцы въ шведское время. Для болѣе твердаго обезпеченія этого новаго политическаго положенія Финляндіи отношеніе къ ней Россіи и новой верховной власти, должно было быть опредѣлено не одностороннимъ актомъ Императора, а актомъ двустороннимъ, договоромъ, заключеннымъ Императоромъ и финляндскими земскими чинами на сеймѣ. Представители финляндскаго народа должны были принести присягу вѣрности новому финляндскому Монарху, — а новый финляндскій Монархъ съ своей стороны долженъ былъ обязаться сохранять шведскій образъ правленія. То было завѣтной мечтой Спренгтпортена, осуществленіемъ стремленій дѣятелей Аньяльскаго заговора 1788 г. И Выборгская губернія должна была быть возвращена въ лоно Финляндіи. Идея Спренгтпортена о созданіи полунезависимаго Финляндскаго Великаго Княжества вполне соотвѣтствовала одной изъ руководящихъ идей политики начала XIX ст., идеѣ о созданіи небольшихъ политическихъ тѣлъ, раздѣляю-